

Н. Д. КОЧЕТКОВА

ПРОБЛЕМА «ЛОЖНОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ»
В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА

С сентиментализмом в русскую литературу, как и в европейскую, входит не только понятие «чувствительность», но почти одновременно с ним и другое — «ложная чувствительность». В сознании позднейших поколений то и другое почти слилось и как бы объединилось под словом «сентиментальность». Так, В. Г. Белинский писал: «Карамзин <...> внес в русскую литературу элемент *сентиментальности*, которая — не что иное как пробуждение *ощущения* (sensation), первый момент пробуждающейся духовной жизни. В сентиментальности Карамзина ощущение является какою-то отчасти болезненной раздражительностью нервов. Отсюда это обилие слез и истинных, и ложных. Как бы то ни было, эти *слезы* были великим шагом вперед для общества: ибо кто может плакать не только о чужих страданиях, но и вообще о страданиях вымышленных, тот, конечно, больше человек, нежели тот, кто плачет тогда только, когда его больно бьют».¹ Замечательно, что, говоря о «сентиментальности» вообще, критик все же разделяет «слезы истинные» — слезы о «чужих страданиях» — и «слезы ложные» — слезы о «страданиях вымышленных». Таким образом, для разграничения тех и других служит прежде всего нравственный критерий.

Подобный подход между тем коренится в традиции, восходящей к самой литературе сентиментализма. Анализируя творчество Стерна, современные исследователи показали, что в его произведениях содержится не только апология чувства, но и насмешка над ним. Ирония оказывается одним из наиболее существенных элементов литературы сентиментализма.²

Сентиментальная ирония нередко содержала в себе элемент игры: автор как бы подчинялся прихотям своего воображения, произвольно переходящего от предмета к предмету. Соответственно

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 166.

² См.: Троицкая М. Л. Немецкий сентиментально-юмористический роман эпохи Просвещения. Л., 1965; Зорин А. Л. К истории легенды о сентиментальном Стерне // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1980. № 5. С. 72—75.

возникла и особая система правил — не регламентированных, не узаконенных теорией, как это было в литературе классицизма, но предполагающих их единое понимание у посвященных. Поэтому разговор автора с читателем — характерная особенность сентименталистской литературы — оказывался одной из форм проявления этой игры, требовавшей обязательного партнера. Внешне игра казалась общедоступной, и единственным требованием оставалось лишь одно, но весьма существенное: и автор, и читатель должны быть «чувствительными» людьми. Но здесь-то и начинались главные трудности, поскольку чувствительность могла быть истинной, а могла быть и ложной, кажущейся, буквально — наигранной.

Таким образом, в сентиментальной иронии следует различать разные ее типы — в зависимости от того, что является ее объектом: собственное чувство, чувство персонажа, которому автор симпатизирует, или фальсификация чувства со стороны другого, условно говоря, «участника игры» — либо персонажа, либо собрата по перу. Именно с этим последним типом связано ироническое изображение ложной чувствительности.

Уже в произведениях Карамзина начала 1790-х гг., знаменовавших расцвет нового направления, появляются персонажи, навязчиво выставляющие напоказ свои чувства и вызывающие откровенную иронию автора. Так, в «Письмах русского путешественника» (письма из Швейцарии) Карамзин рассказывает о своем знакомстве с датчанами — поэтом Й. Баггесеном и графом А. Г. Мольтке. «И тот, и другой, — замечает Карамзин, — любит аханье и восклицания. Граф бьет себя по лбу и стучит ногами, а поэт Баг * (Баггесен. — *Н. К.*) складывает руки крестом и смотрит на небо, когда Лафатер говорит о чем-нибудь с жаром».³ Иронический тон сопровождает все последующие упоминания об этих датчанах. «Романическая» история женитьбы Баггесена на Софии Галлер, описанная со слов его соотечественника Г. Беккера (образ которого нарисован с искренней теплотой), содержит даже элементы комизма. Узнав, что София — внучка знаменитого поэта А. Галлера, Баггесен «вспрыгнул от радости и побежал к ней снова рекомендоваться и уверять ее в своем неограниченном почтении к творениям покойного ее дедушки».⁴ Явившись с визитом в семью Софии, датчане одолевают ее родственников нетерпеливыми вопросами: «Скоро ли будет домой девица Галлер? скоро ли возвратится девица София? скоро ли увидим мы приятную нашу сопутницу?» С нескрываемой иронией автор имитирует этот восторженный тон: «Наконец пришла девица Галлер, возвратилась девица София; датчане увидели свою приятную сопутницу и не могли удержаться от радостного восклицания при ее входе».⁵

³ Московский журнал. 1791. Ч. 4, кн. 3. С. 321—322.

⁴ Там же. Ч. 6, кн. 2. С. 198.

⁵ Там же. С. 199.

Пазывая Баггесена и Мольтке «чувствительными путешественниками», автор «Писем» всячески подчеркивает искусственность, ложность их чувствительности, выраженной крайне нарочито и неестественно. Восхищаясь швейцарским пейзажем, Мольтке громгласно и достаточно нелепо демонстрирует свою способность ценить красоту природы (неотъемлемое качество чувствительного человека!): «Мольтке, смотря на Белую гору, подымал руки, громкими восклицаниями изъясняя восторг свой, уверял, что он хотел бы жить и умереть на снежной вершине ее, и дивился тому, что никто из земных владык, для бессмертия славы своей, не вздумал намостить большой дороги от низу до верху сей горы так, чтобы туда можно было ездить в каретах. Вы видите, что граф любит гигантские мысли!»⁶

Ложные представления о чувствительности и способах ее проявления вызывают неизменную насмешку Карамзина и в ряде других случаев. Рассказывая, например, о своем знакомом живописце, страстном поклоннике Руссо, автор «Писем» упоминает: «...он между прочим изобразил его (Руссо. — *Н. К.*) целующего фланелевую юбку, присланную ему на жилет от госпожи Д*. Молодому живописцу показалось это очень трогательным». «Люди имеют разные глаза и разные чувства», — кратко, но достаточно выразительно характеризует «русский путешественник» этот эпизод.⁷ Здесь же он по-своему высказывает восхищение Руссо и даже преклонение перед ним.

Привлекая большой и разнообразный материал, М. А. Арзуманова показала, что с сатирическими выпадами против произведений сентиментализма выступают и сами писатели-сентименталисты или близкие им по эстетическим взглядам авторы.⁸ Чаще всего, однако, речь идет не о критике сентиментализма как такового, а о борьбе его приверженцев против ложной чувствительности. В сущности полемика отдельных авторов внутри одного направления — процесс вполне обычный и закономерный. Аналогичные явления хорошо известны и в литературе русского классицизма. Специфика направления, пришедшего ему на смену, состояла, в частности, в известной раздвоенности сознания, отказе от метафизичности и усилении субъективного начала. Все это как раз и способствовало разворачиванию подобной полемики. Замечательно также, что в нее включаются самые ярые апологеты чувствительности. Так, одним из них оказался И. И. Мартынов.

П. А. Орлов справедливо отметил, что юмор Мартынова «направлен не против чувствительности вообще, а лишь помогает автору удерживать ее в строгих рамках».⁹ В добавление следует отметить, что в «Филоне» Мартынова ложная чувствительность

⁶ Там же. Ч. 7, кн. 1. С. 50.

⁷ Там же. Ч. 6, кн. 1. С. 46.

⁸ См.: Арзуманова М. А. Русский сентиментализм в критике 90-х годов XVIII в. // Русская литература XVIII века: Эпоха классицизма. М.; Л., 1964. С. 197—223. (XVIII век. Сб. 6).

⁹ См.: Орлов П. А. Русский сентиментализм. М., 1977. С. 174.

ассоциируется с подражательностью. Речь заходит в связи с этим о необходимости искренности в творчестве. Мартынов, очевидно, опирается на программную статью Карамзина «Что нужно автору?» (1793), в которой были сформулированы важные для сентиментализма принципы: «Тщетно думает лицемер обмануть читателей и под златую одеждую пышных слов сокрыть железное сердце; тщетно говорит нам о милосердии, сострадании, добродетели! Все восклицания его холодны, без души, без жизни; и никогда питательное, эфирное пламя не польется из его творений в нежную душу читателя».¹⁰ Вслед за издателем «Аглаи» Мартынов провозглашает: «Беспритворство, друзья мои! беспритворство и простота да будет нашим компасом».¹¹ Заявляя себя приверженцем Карамзина, автор «Филона» в то же время делает репительный выпад против его подражателей, опошляющих истинную чувствительность: «Я <...> не товарищ и тем лицемерам, которые, прельстившись однажды навсегда томным звоном канувших на струны слез счастливого виртуоза, с воем наигрывают *Плоды своей меланхолии*, несмотря на правила гармонии».¹² Здесь имеется в виду совершенно конкретное лицо — литератор П. В. Победоносцев, автор книги «Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца» (М., 1796).

Описывая беседу во время обеда в монастыре, автор «Филона» весьма скептически отзывается об одном из ее участников, условно названном «синим фраком». В тексте сочинения появляется пустая страница, воспроизведенная при печатании «Филона» в журнале. Эта страница не только знаменует пустоту «разговора синего фрака», но оказывается даже «лучше» этого разговора. Эпизод сопровождается обращением к Х. Блэру: «Блер! ты говоришь, надобно быть тронуту самому, чтоб тронуть других: кто ж тут виноват? ты или синий фрак?»¹³ Обращаясь к авторитету английского автора, хорошо известного и ценимого в России XVIII в., Мартынов подкрепляет свою позицию — «чувствительного» автора и одновременно врага всякой ложной чувствительности.

Та же самая проблема «ложной чувствительности» занимает существенное место и в переводных произведениях, публиковавшихся в журналах «Чтение для вкуса, разума и чувствований» и «Приятное и полезное препровождение времени». Так, в переведенной В. С. Подшиваловым повести А. Г. Мейснера «Густав Линдау, или Человек, который не может терпеть зависти» говорится о положительном герое: «Ложная чувствительность и холодность были равномерно ему досадны».¹⁴ В анонимном переводе сочине-

¹⁰ Карамзин И. М. Избр. соч. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 120—121.

¹¹ Муза. 1796. Ч. 2. С. 237.

¹² Там же. Ч. 3. С. 233.

¹³ Там же.

¹⁴ Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1793. Ч. 10. С. 120. — Перевод опубликован также отдельным изданием (М., 1793). Позднее вошел в изд.: Избранные повести и басни Мейснеровы / Пер. В. Подшиваловым. Владимир, 1803. Кн. 8. Эта же повесть была переведена и Г. Яценко: Мейснеровы повести и разговоры. М., 1796. Ч. 1—2.

ния К. Штилле «Горный мудрец» обращает на себя внимание следующее высказывание: «Некоторые имеют очень дурную привычку плакать и плачут часто из одного детского своенравия или даже искусственно. Такие слезы есть не иное что, как отвратительная болотная вода. Но прекрасны слезы, происходящие от живого сочувствования, от тронутой души; они услаждают сердце, подобно как вечерняя роса после дневного зною услаждает томные растения».¹⁵

Особо следует остановиться на статье «Чувствительность и причудливость», появившейся в «Приятном и полезном препровождении времени» в 1796 г. за подписью «И».¹⁶ В статье последовательно проводится противопоставление истинно чувствительного человека и «причудливого», т. е. такого, который «хочет играть роль тронутого». Подчеркивая «натуральность», «естественность» проявлений настоящей чувствительности, автор весьма иронически оценивает искусственные попытки внешнего подражания ей. Образцом первой оказывается герой Стерна Йорик. О «причудливых», выставляющих напоказ свою ложную чувствительность, говорится следующее: «... один подымает плачевный вой о смерти фиалочки и не хочет утешиться; другой перед древним дубом повергается на колени и с такою важностию и благоговением простирает к нему речь, как будто бы он имел уши его слышать или глаза его видеть; третий со всею важностию заводит любовные беседы с луною и звездами, посылает к ним поцелуи, простирает объятия, как будто бы хотел их прижать к сердцу <...> причудливый приписывает им жизнь и чувственную силу, которой они не имеют, поставяет их в ненатуральных отношениях, в каких они никогда не стояли. . .» Конкретные примеры проявления подобной «причудливости» нетрудно найти в массовой литературе как европейского, так и русского сентиментализма. Показной характер ложной чувствительности демонстрируется еще одним любопытным примером: «... те самые голубиные глазки, которые в сию минуту при виде растоптанного цветочка или страждущего червячка разливаются в слезах соболезнования, через час при малейшей погрешности горничной девушки или при хозяйственном напоминании хладнокровнейшего супруга вдруг заворачивают огненными тигровыми взглядами!»

Подобные издержки культа чувства заставляют автора статьи вернуться к спасительному авторитету разума: «... для чего именно в нашем ложно чувствительном веке восстало толь много явных врагов прекрасного дара небес, превосходнейшего нашего преимущества — разума?» Тем не менее это не было отступлением на позиции классицизма: автор выступает апологетом чувствительности, но истинной, понимаемой им как «отменной склонности к таким чувствованиям в которых есть нечто нравственное».

 ¹⁵ Приятное и полезное препровождение времени. 1794. Ч. 1. С. 333—334.

¹⁶ Там же. 1796. Ч. 11. С. 241—254.

Наконец, особое внимание уделяется внешним проявлениям, по которым различается чувствительность истинная и ложная. Для первой характерно «спокойствие, достоинство и естественная простота»; для второй — «пустые слова, восклицания, изречения, вздохи, слезы, ломанье рук и повержение в бесчувствие с точным соблюдением театральной благопристойности вместо деятельного исполнения».

Как видно из приведенных выдержек, в статье затронуты важнейшие вопросы эстетики сентиментализма. При этом критика ложной чувствительности осуществляется не извне, а как бы изнутри самого направления.

Статья неоднократно привлекала интерес исследователей. Так, А. И. Комаров характеризует ее как одно из наиболее значительных «выступлений против излишней сентиментальности». ¹⁷ П. А. Орлов считает, что статья «Чувствительность и причудливость» была реакцией на явления, связанные с кризисом направления в целом. ¹⁸

В современной научной литературе упоминается два разных имени, когда заходит речь об авторе этого любопытного сочинения: чаще всего — И. И. Дмитриев, реже — В. С. Подшивалов. А. И. Комаров, говоря о статьях за подписью «И» в «Приятном и полезном препровождении времени», достаточно осторожно указывал: «Этой буквой подписывался ближайший друг Карамзина И. И. Дмитриев». ¹⁹ Другие исследователи называли автором Подшивалова, не аргументируя специально эту атрибуцию. ²⁰ П. А. Орлов вновь утверждает, однако, со всею определенностью: «Дмитриев в 1796 г. пишет статью „Чувствительность и причудливость“; последняя понимается им как ложная, показная чувствительность». ²¹ Обе атрибуции подкрепляются указаниями И. Ф. Масанова.

И. И. Дмитриеву приписываются И. Ф. Масановым публикации за подписью «И» на основании свидетельства М. А. Дмитриева. ²² Между тем мемуарист рассказывал о сотрудничестве своего дяди в других журналах, не упоминая «Приятное и полезное препровождение времени»: «Печатая свои стихи в Московском журнале <1791 и 1792> он (И. И. Дмитриев. — *Н. К.*) подписывался только одною литерою *И*; а в Аонидах и последующих журналах ставил под своими стихами только три звездочки ***. По этим

¹⁷ Комаров А. И. Журналы Н. М. Карамзина и его направления // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1: XVIII век и первая половина XIX века. С. 151.

¹⁸ Орлов П. А. Указ. соч. С. 251—252.

¹⁹ Комаров А. И. Указ. соч. С. 150.

²⁰ См.: Арзуманова М. А. Русский сентиментализм в критике 90-х годов XVIII в.: Дисс. . . канд. филол. наук. Л., 1964. С. 257—260.

²¹ Орлов П. А. Указ. соч. С. 151.

²² См.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1956. Т. 1. С. 399.

признакам можно узнать те из его стихов, которых он не поместил в собрании своих сочинений».²³

Известно, что И. И. Дмитриев сотрудничал в «Приятном и полезном препровождении времени»: он напечатал здесь целый ряд своих стихотворений. Однако большинство его публикаций имеет другие подписи: «—въ» или «—ъ» («Гимн богу», «Глас патриота», «К голубку» и целый ряд других); некоторые стихи напечатаны без подписи («Стихи на присоединение польских провинций», «Размышление по случаю грома»). Принадлежность этих произведений Дмитриеву устанавливается их последующим включением в его собрания сочинений. Все эти публикации помещены в следующих частях журнала: 1, 2, 4, 6, 8-й, т. е. в период 1792—1794 гг.; затем наступает перерыв. Лишь в 1798 г. в 18-й части журнала появилась басня «Чиж», ранее печатавшаяся в «Аглае». Между тем публикации за подписью «И» в «Приятном и полезном препровождении времени» начинают встречаться с 9-й части, т. е. с 1796 г. Они многочисленны и очень разнообразны по характеру: это и стихи, и прозаические статьи, и переводы, в том числе из Э. Юнга, Э. Клейста, статьи «Суд о Шакспире» и «Жизнь Шакспирова». Показательно, что ни одно из произведений не вошло в собрания Дмитриева. Никаких упоминаний об этих многочисленных публикациях нет в его переписке, в рассказах мемуаристов и т. д. Впрочем, все это, разумеется, не является неоспоримым доказательством, и по установившейся традиции переводы из Юнга за подписью «И» приписываются Дмитриеву.²⁴

Важно, однако, отметить, что подпись «И» стоит и после примечаний издательского характера. Так, к первой публикации отрывков из сочинения «Россиянин в Англии» сделано следующее примечание: «Мы получили сии отрывки от самого автора. В них заключается много любопытного и полезного <...> Под сим же заглавием и впредь писсы его сообщать будем».²⁵ Совершенно очевидно, что к такой публикации Дмитриев был не причастен. Не исключено, правда, что разные лица могли печатать свои сочинения в одном и том же журнале, подписываясь одинаково: буквой «И».

В связи со всем сказанным заслуживает внимания указание того же И. Ф. Масанова на В. С. Подшивалова, как на автора публикаций за подписью «И» в «Приятном и полезном препровождении времени».²⁶ Источником в данном случае послужила статья Д. Ф. Кобеко, который полагал, что подписью «И» пользовался один из издателей журнала, а именно Подшивалов.²⁷ На наш

²³ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 115.

²⁴ См.: Левин Ю. Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма // Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России. Л., 1990. С. 222.

²⁵ Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 9. С. 56.

²⁶ Масанов И. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 400.

²⁷ Кобеко Д. Несколько псевдонимов в русской литературе XVIII века // Библиографические записки. 1861. № 4. С. 107.

взгляд, именно эта атрибуция заслуживает наибольшего доверия. Хотя с 1796 г. журнал фактически перешел в руки П. А. Сохацкого,²⁸ это не исключало для Подшивалова возможности участвовать в подборе материалов, а тем более сотрудничать в издании. Итак, подпись «И» с максимальной долей вероятности можно считать принадлежавшей Подшивалову, приверженцу Карамзина, литератору, тесно связанному с сентиментализмом. В то же время автора важной для нас статьи «Чувствительность и причудливость» можно назвать с абсолютной точностью.

Известно, что в журналах XVIII в. часто одинаково подписывались как оригинальные сочинения, так и переводные. К сожалению, вопрос о переводном характере статьи даже не ставился исследователями. Между тем литератор, подписавший статью буквой «И», в данном случае выступал именно как переводчик.

Сопоставление русского перевода с выявленным оригиналом позволяет констатировать, что статья «Чувствительность и причудливость» представляет собой достаточно точный перевод первой части книги *«Ueber Empfindsamkeit und Empfindelei in pädagogischer Hinsicht»* (Hamburg, 1779), автором которой является известный немецкий писатель-просветитель Иоахим Генрих Кампе (1746—1818).²⁹ Домашний учитель Вильгельма и Александра Гумбольдтов, затем наряду с Й. Б. Базедовым активнейший деятель филантропизма в Дессау, Кампе оказался среди тех европейских деятелей культуры, которые приветствовали Великую французскую революцию. Посетив Францию в самый разгар событий 1789 г., он описал свои впечатления в «Письмах из Парижа». Одновременно с Дж. Вашингтоном, Т. Костюшко, И. Х. Песталоцци, Ф. Шиллером и другими выдающимися людьми своего времени он получил почетное гражданство Французской республики.³⁰ Опираясь на сочинения Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо, Кампе развивал прогрессивные педагогические идеи. Он выступил как автор многочисленных сочинений, написанных для детей и юношества. Особую популярность в течение ряда десятилетий имела его переработка романа Д. Дефо «Робинзон Крузо» (1779), неоднократно переводившаяся на разные языки. Творчество Кампе, и в частности, интересующую нас статью, современный исследователь Г. Заудер вполне основательно связывает с сентиментализмом.³¹

²⁸ См.: *Рогожин В. Н.* Дела «московской цензуры» в царствование Павла I как материалы для русской библиографии и словаря русских писателей. СПб., 1902—1922. Вып. 1—2. (По указателю).

²⁹ О нем см.: *Grundriß zur Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen K. Goedeke*. 2 Aufl. Dresden, 1841. Bd. 4. S. 29; *Baur G. Campe J. H.* // *Allgemeine Deutsche Biographie*. Leipzig, 1876. Bd. 3. S. 733—737; *Leyser J. Joachim Heinrich Campe* // *Ein Lebensbild aus dem Zeitalter der Aufklärung*. Braunschweig, 1877. Bd 1—2.

³⁰ См.: *Campe J. H.* Briefe aus Paris während französischen Revolution geschrieben / Hrsg. von H. König. Berlin, 1961.

³¹ См.: *Sauder G.* Empfindsamkeit. Stuttgart, 1974. Bd 1. Voraussetzungen und Elemente. S. 6, 157—162.

В России XVIII в. Кампе знали очень хорошо. Карамзин называл его «славным немецким педагогом».³² В 1780-е и особенно в 1790-е гг. появились многочисленные переводы произведений Кампе — они выходили как отдельными изданиями, так и журнальными публикациями. Три издания выдержала «Детская библиотека» Кампе в переводе А. С. Шишкова; к сочинениям немецкого педагога обращались самые разные переводчики: Ф. Печерин, М. Шлыков, А. Тихомиров и др.³³ Обращает на себя внимание, что книгу Кампе «Краткая психология, или Учение о душе для детей» (М., 1789) перевел с немецкого В. С. Подшивалов. Этот факт может служить еще одним косвенным аргументом в пользу атрибуции ему же рассматриваемого перевода статьи «Чувствительность и причудливость».

Среди журналов, печатавших переводы из Кампе, можно назвать «Утренний свет», «Детское чтение для сердца и разума», где сотрудничал Подшивалов, и, наконец, «Чтение для вкуса, разума и чувствований», издававшееся Подшиваловым. 20 сентября 1789 г. А. А. Петров писал Карамзину: «Осиротевшее без тебя Детское чтение намерен я наполнить по большей части из Кампова Теофраона».³⁴ «Теофрон» — педагогическое сочинение Кампе, содержащее также ряд психологических наблюдений. Отрывок из «Теофраона» в переводе Д. Смирнова позднее был помещен в журнале «Муза» (1796. Ч. 2. С. 89—93). Как установила Е. П. Привалова, многие переводы из Кампе, помещенные в «Детском чтении», вошли затем в книгу «Бесценный подарок для благовоспитываемых детей. . .» (М., 1797). По убедительному предположению исследовательницы, переводчиком этой книги был опять-таки Подшивалов.³⁵ В период, когда он был издателем «Приятного и полезного препровождения времени», там было напечатано «Известие о небольшом путешествии г. Кампе из Гритова в Висмар, а оттуда в Шверин в виде писем его к детям». Здесь же Подшивалов сообщал читателям, что лучшие из сочинений Кампе «скоро будут выходить все вместе».³⁶

Таким образом, внимание Подшивалова к творчеству Кампе было достаточно устойчивым и целенаправленным. С одной стороны, это было связано с серьезным интересом русского литератора к вопросам воспитания и образования — интересом, сформировавшимся под несомненным воздействием Новикова. С другой стороны, Кампе привлекал писателей русского сентиментализма своим обращением к психологии человека и процессам ее

³² Карамзин Н. М. Избр. соч. Т. 1. С. 138.

³³ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1964. Т. 2: К—П. С. 8—10.

³⁴ Письма А. А. Петрова к Н. М. Карамзину // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 509.

³⁵ Привалова Е. П. О сотрудниках журнала «Детское чтение для сердца и разума» // Русская литература XVIII века: Эпоха классицизма. С. 266—268.

³⁶ Приятное и полезное препровождение времени. 1794. Ч. 3. С. 397.

формирования. Замечательно, что русский переводчик ограничился лишь первым разделом сочинения «Über Empfindsamkeit und Empfindelei» и даже опустил часть заглавия: «in pädagogischer Hinsicht» («в педагогическом отношении»). Так книга, имевшая явно учебно-воспитательный характер, превратилась в своеобразный этюд, посвященный нравственной проблеме, остро интересовавшей русских литераторов того времени.

Ложная чувствительность оказывалась опасным врагом приверженцев нового направления, провозглашавших важнейшими принципами художественного творчества естественность, простоту и искренность. Угроза была тем значительнее, что в описаниях чувствительных слез или характеров скоро появились определенные стереотипы, штампы — знаменитые сентиментальные слезы и вздохи. Истинная чувствительность, неумело изображенная, легко рисковала превратиться в ложную, т. е. опошлиться, а это могло скомпрометировать направление в целом. Борьба с ложной чувствительностью стала превращаться в борьбу с пошлостью и фальшью. Таким образом, вопрос, поставленный в сочинении Кампе, имел для русской литературы широкий этический и эстетический смысл.

В 1797 г. Карамзин предпосылает второму тому альманаха «Аонида» свою знаменитую программную статью, где затрагиваются темы, которые непосредственно соотносятся с сочинением Кампе. Но если у немецкого автора проблема «ложной чувствительности» была связана прежде всего с задачами воспитания, то статья Карамзина имела характер литературного манифеста. Кампе говорил о проявлениях ложной и истинной чувствительности в повседневной жизни, учил, как вести себя. Карамзин размышлял, как нужно и как не нужно писать, как стать подлинным мастером, как разграничить ложную и истинную чувствительность в поэзии, в искусстве. Речь шла о «двух главных пороках наших юных муз»: «излишней высокопарности» и «притворной слезливости».³⁷ Первый порок, в котором можно было упрекнуть эпигонов классицизма, в сущности в глазах критика тоже являлся профанацией подлинного чувства. По поводу второго Карамзин говорил следующее: «Не надобно также беспрестанно говорить о слезах, прибирая к ним разные эпитеты, называя их блестящими и бриллиантовыми, — сей способ трогать очень ненадежен: надобно описать разительно причину их; означить горесть не только общими чертами, которые, будучи слишком обыкновенны, не могут производить сильного действия в сердце читателя, — но особенными, имеющими отношение к характеру и обстоятельствам поэта».³⁸ Эта декларация вовсе не означала отказа от принципов сентиментализма; напротив, утверждала их, углубляя и отделяя от проявлений ложной чувствительности, которая компрометировала направление. Интересно, что в статье Карамзина можно найти ана-

³⁷ Карамзин Н. М. Избр. соч. Т. 2. С. 143.

³⁸ Там же. С. 144.

логию мысли Кампе о том, что истинно чувствительный человек склонен «к таким чувствованиям, в которых есть нечто нравственное». Русский автор рассматривает эту проблему применительно к искусству, напоминая, что «польза и важность литературы» состоит, в частности, и в том, что она настраивает «к тем нежным страстям нравственности, которые были и всегда будут главным источником земного блаженства».³⁹

Таким образом, сочинение Кампе в русском переводе органично вошло в контекст нашей отечественной словесности, затронув темы, живо волновавшие русских литераторов-сентименталистов. При этом слово «причудливость», которым русский переводчик передал немецкое «Empfindelei», оказалось не очень удачным эквивалентом: во всяком случае, оно не было принято в русском языке в таком значении. Чаще всего стали употреблять выражение «ложная чувствительность». Наконец, когда получило распространение слово «сентиментальность», оно-то постепенно и заменило собой то, что немцы называли «Empfindelei».

В 1800-е гг. борьба с ложной чувствительностью становилась все ожесточеннее, причем участниками ее опять-таки выступали писатели-сентименталисты или авторы, отдавшие дань этому направлению. Рецензируя перевод книги «Елисавета де**, или История россиянки», П. И. Макаров хвалил сочинительницу за то, что она «писала без всякого требования на ученость, на метафизику, на скучную площадную мораль и на чувствительность».⁴⁰ Критик с одобрением отнесся к тому, что персонажи книги — «не Селадоны, иссохшие от слез и которым замаранная крестьянская девка в грязных онучах кажется пастушкойю благословенной Аркадии». «Здесь люди такие, — с удовлетворением отмечает Макаров, — каких можно видеть всякий день!»⁴¹ Рецензия Макарова отчасти соотносится с критикой сентиментализма со стороны его традиционных противников — И. А. Крылова и его сподвижников. И в этом была своя закономерность: ложная чувствительность нередко оказывалась внешне очень похожа на истинную, которой Муравьев, Карамзин и тот же Макаров так дорожили.

При разграничении настоящих художников и их эпигонов важным критерием стало определение характера их чувствительности. В помещенной в «Русском вестнике» рецензии на «Книжку для моей Лизы» (1808) критик проницательно заявлял: «Не спрашивайте, что такое *курающийся фимиами чувствительности*? Такими непонятными выражениями наполнено много новых сочинений и переводов. . .»⁴² Утверждая, что «истинное чувство изъясняется просто и вразумительно», рецензент приводил при этом в пример песню «Вечор милая сидела под кустом у ручейка. . .» — песню

³⁹ Там же. С. 145.

⁴⁰ Московский Меркурий. 1803. Ч. 2. С. 43. Курсив мой. — Н. К.

⁴¹ Там же.

⁴² Русский вестник. 1809. Ч. 7, июль. С. 112.

Ю. А. Пелединского-Мелецкого. Возвращаясь к рассматриваемой книге, критик писал: «. . . Нужно замечать такие нелепости, чтобы показать, до чего доходит воображение, зараженное чтением романов. наполненных погрешностями всякого рода против языка и здравого смысла, и которые заглушают истинную чувствительность и удаляют от природы и простоты сердце и разум».⁴³

Привычные формы проявления чувствительности постепенно исчерпывают себя, начинают вызывать недоверие. Поэтому, стремясь сохранить глубокий нравственный смысл самого понятия, некоторые авторы начала XIX в. пытаются уже найти новые способы выражения своей чувствительности. В обращении «К несчастным» Ф. Ф. Иванов призывает «скрывать свои слезы», именно для того чтобы их не видели равнодушные и насмешливые люди: «Одни слушают их и не слышат; другие, слушая, скучают; третьи, и притом самая большая часть, принимают их с какою-то зыбкою недоверчивостию или насмешкою».⁴⁴

Соответственно писатели-сентименталисты все больше ощущают необходимость отмежеваться от ложной чувствительности, что видно, в частности, из высказывания В. В. Измайлова: «Не *чувствительность*, а думаю, злоупотребление чувствительности имеет порицателей своих, и, не входя в спор о значении слова *сентиментальность*, предполагаю, что, за неимением другого, оно определяет ныне ложную чувствительность».⁴⁵ Именно «сентиментальность» становится предметом порицания и насмешки со стороны позднейших поколений.

Так, М. А. Дмитриев писал: «Эта сентиментальность была — как бы определить ее? — чувствительность натянутая, накликаемая и совсем не моральная: под ней, бессознательно для тогдашних писателей, скрывалась тонкая чувственность; в области человеческих чувствований это было нечто совершенно ложное и достойное посмеяния».⁴⁶

Между тем с представлением об истинной чувствительности неизменно оказывались связаны серьезные нравственные искания русских писателей-сентименталистов. Характерно, что в их творчестве занимает такое важное место традиционная тема добродетели, понимаемой, разумеется, по-разному, но постоянно занимающей «чувствительного» человека. Не избавившись еще от бремени дидактики, сентименталисты искали новые пути нравственного совершенствования человека, и превозносимая ими «истинная чувствительность» помогала открыть неведомые ранее этические ценности. В то же время напоминание о «ложной чувствительности» подвергало их проверке, предостерегало от пагубного подражательства и пошлости.

⁴³ Там же. С. 115.

⁴⁴ Иванов Ф. Ф. Сочинения и переводы. М., 1824. Ч. 1. С. 27.

⁴⁵ Российский Музеум. 1815. Ч. 4, № 10—11. С. 150—151.

⁴⁶ Дмитриев М. А. Князь Иван Михайлович Долгорукой и его сочинения. М., 1863. С. 181.